

**СЕМАНТИКА И ПОЭТИКА ЭКОЛИТЕРАТУРЫ ДЛЯ ДЕТЕЙ:
«ДИКИЙ РОБОТ» ПИТЕРА БРАУНА**

**SEMANTICS AND POETICS OF CHILDREN'S
ECOLITERATURE: "THE WILD ROBOT" BY PETER BROWN**

Н.С. Зелезинская¹⁾, М. Личко

N. Zelezinskaya¹⁾, M. Lichko

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: ¹⁾zelennew@tut.by

Данная статья указывает на снижение возраста читателя эколитературы как успешную стратегию формирования экосознания в современном глобальном обществе. В качестве примера рассматривается роман П. Брауна «Дикий робот», особенности его поэтики (мотивика, тип нарратора, повышенная эмотивность и др.) и те вопросы экологического плана, которые ставит данное произведение перед маленьким читателем. Анализ произведения доказывает, что в категорию экосознания современные авторы намеренно включают круг понятий, далеко превосходящий проблему чистоты окружающей среды, а именно область здоровых безопасных физически и эмоционально взаимоотношений самых разнообразных элементов экосистемы.

The article states that the age of the readers of the contemporary ecoliterature is lowering as a part of the strategy of the ecological consciousness formation. Peter Brown's novel exemplifies, on the one hand, some characteristic features of poetics of the ecological novel for the youngest readers (certain motifs, the type of the narrator, emotiveness etc.), on the other hand, its semantics: the ideas that show that the range of the so called 'ecological problems' is much wider than the environmental problems and covers the sphere of safe and sound mutual relations between very variable elements of the ecosystem.

Ключевые слова: эколитература; экороман; экосознание; жанр; мотив; Питер Браун.

Keywords: ecological literature; econovel; ecological consciousness; motif, genre; Peter Brown.

На современном этапе развития общества остро стоит вопрос о формировании экологического сознания, без которого невозможно решение и разрешение экологических проблем в долгосрочной перспективе. Под экосознанием мы понимаем «комплекс філософських, психалагічних, маральних і адукаційних установок, што ў сукупнасці

стварають адзінкі чалавечых паводзінаў, сацыяльных законаў і гуманістычных каштоўнасцей, якія накіраваны на гарманічнае суіснаванне чалавечага грамадства ў прыродным асяроддзі» [2, с. 103-104].

Одной из перспективных стратегий формирования экосознания является снижение возрастного порога реципиента экологических идей. Трудно поспорить с тем, что привилегия защищать планету в последние несколько лет принадлежит исключительно молодежи и даже детям. Эколитература как одно из мощнейших средств формирования экосознания также обращается все к более молодой аудитории. Так, Питер Браун рассчитывает, что идеи его романа увлекут детей младшего школьного возраста. «Дикий робот» (2016) – нежная, трогательная книга о роботе, который оказался на необитаемом острове в результате кораблекрушения, и выжил благодаря дружбе с животными с острова. Питер Браун сознательно избегает мотива восстания роботов против людей и ставит цель рассказать о гармонии, которая может возникнуть в самом неожиданном месте между самыми разными существами, показать, что природа и все ее создания гармоничны по своей сути: ‘I wanted to tell the story of a robot who finds harmony in the last place you’d expect. I wanted to tell a robot nature story’ [3]. В сущности, таким образом автор заявляет новый жанр, который мы определили бы как гибрид романа спасения и научно-фантастического романа о роботах.

Можно сказать, что новорожденный жанр оказался востребован современными читателями и критиками: список топ-листов, в которые попала книга впечатляет (бестселлер по версии Нью Йорк Таймс (The New York Times); книга года по версии Энтертэймент Вики (An Entertainment Weekly Best MG Book of the Year); книга года по версии Амазон (Amazon (Best Book of the Year Top Pick)); лучшая детская книга по версии Нью-Йоркской публичной библиотеки (New York Public Library Best Books for Kids Pick); лучшая детская книга по версии американского журнала Киркус (Kirkus)).

История начинается с тонущего корабля, везущего ящики с аккумуляторами упакованными роботами. Несколько ящиков вынесло на берег, уцелел только один, в котором и была Роз. Блестящая упаковка привлекла внимание выдр, они любопытно осматривали коробку, и одна из них случайно нажала на кнопку активации на затылке робота. Тут раздается жужжание, загружается компьютерный мозг, открываются глаза, и робот начинает говорить: ‘Hello. I’m ROZZUM unit 7134 but you may call me Roz...’ [4, p. 13]. Когда она выходит из упаковки, выдры пугаются и убегают. Роз, оставшись одна со сломанными останками четырех других роботов, запрограммирована на то, что ей будет безопаснее по-

дальше от воды, поэтому она поднимается на скалу (имитируя краба) и начинает исследовать остров, которому суждено стать ее домом. В этом месте архетипичные мотивы – кораблекрушения и спасения, и вечные образы – Ноева ковчега и Робинзона Крузо – уступают место мотиву борьбы природы и цивилизации и целому ряду эмотивных мотивов: вражды, страха, ненависти, доверия, любви, в результате чего сюжет экологического романа отклоняется от традиционного пути развития.

В начале романа мы видим, что Роз запрограммирована на обучение и поэтому, вместо погружения в новый неизвестный мир, попыток адаптироваться в нем, она выдает энциклопедические штампы о животных и природных явлениях и пытается следовать заложенным в нее алгоритмам. ‘Roz could feel her Survival Instincts – the part of her computer brain that made her want to avoid danger and take care of herself so she could continue functioning properly’ [4]. Но выжить, оказывается, означает не только остаться живым биологически, но и духовно, и эмоционально, что невозможно без взаимодействия с Другим. Живая реальность – потребность в общении, любви, уважении, эмпатии – даже робота заставляет прогнуться под изменчивый мир. Но пройти сложный путь от страха к доверию предстоит обеим сторонам: сначала и животные боятся Роз, не доверяют, считают Другой, значит, чужой, плохой, опасной. Роз удаляет иглы дикобраза из лисы, маскирует себя так, чтобы слушать разговоры и учить их язык. Но Роз чужая. Неумышленно робот становится виновной в убийстве гусей: поскользнувшись, она раздавила гнездо, где находились гусыня и пять яиц, четыре из них были раздавлены. Она замечает пищащее яйцо и решает его защитить, оставив себе. Этот момент становится переломным: некоторые животные уже охотнее помогают Роз адаптироваться к жизни на острове, когда она стала приемной матерью Красноклювика:

‘But I do not know how to act like a mother (...) Oh, it’s nothing, you just have to provide the gosling with food and water and shelter, make him feel loved but don’t pamper him too much, keep him away from danger, and make sure he learns to walk and talk and swim and fly and get along with others and look after himself. And that’s really all there is to motherhood!’ [4].

Роз и Красноклювик неразлучны. Но когда Красноклювик подрастает, его начинают злить и смущать подколки других гусят по поводу его приемной матери. Он хочет понять происхождение Роз, поэтому улетает на место, где лежали разбитые после кораблекрушения роботы, чтобы осмотреть их. Он и Роз замечают кнопки на затылках сломанных роботов и задаются вопросом, что произойдет, если они нажмут кнопку на затылке Роз. Она дает Красноклювику разрешение попробовать, а когда

он это делает, Роз выключается. Когда Красноклювик нажимает ее снова, Роз включается со всеми накопленными воспоминаниями.

Робот спасает многих животных в течение зимы, учит их разводить костер, заботиться друг о друге. Со временем Роз многому учится: говорить на языке животных, приспосабливаться к условиям острова и выживать, быть матерью осиротевшего гусенка и другом многих лесных существ, обитающих в дикой природе, думать, адаптироваться и любить. Мы видим глазами Роз, какой красивой и суровой может быть природа; с нею размышляем о личной ответственности, о доверии и о том, как стать частью большого сообщества.

Автор намеренно размывает границу между инстинктом и приобретенными навыками, и читателям остается задуматься над тем, что является более неестественным: енот, который учится разводить огонь, или робот, который учится заводить друзей. Хотя Браун видит потенциал для гармоничного баланса между технологиями и природой, он не впадает в утопическую эйфорию: к концу романа будущее Роз на ее любимом острове выглядит безрадостным и бесперспективным.

Развязка снова возвращает нас к жанру романа спасения: три робота, идентичных Роз, прибывают на самолете. Они запрограммированы на то, чтобы забрать всех роботов и детали с затонувшего грузового корабля, и они требуют, чтобы Роз вернулась с ними. Но автор снова разбивает стереотипы, вводя неожиданные эмотивные мотивы. Роз отказывается, «спасатели» начинают на нее охоту. Красноклювик и другие животные защищают Роз и в конечном итоге уничтожают всех троих. Незадолго до отключения последнего робота, он обещает Роз, что в случае ее невозвращения за ней придут новые роботы. После битвы Роз остается без рук и ног, которые животные не могут восстановить. Чтобы обезопасить друзей, Роз решает, что должна вернуться к своим создателям. Она прощается с сыном и другими животными и улетает самолетом на фабрику. Мотив спасения здесь становится синонимичен мотиву тюрьмы или похищения. Героине остается только вспоминать и планировать (мечтать?), как ее восстановят, она сбежит и вернется на остров. Таким образом, кардинальная смена коннотативных смыслов пространства с «плохого», «чужого», «нового» на «свой», «любимый» ведет за собой подмену архетипа необитаемого острова архетипом дома. Смена традиционных мотивов и образов романа спасения раскрывает «кухню» гибридного жанра, заявленного автором.

Питер Браун, тем не менее, обращается и к научно-фантастическому набору мотивов, остро формулируя проблему «этих искусственных существ» и не избегая философских вопросов: «Хотим ли мы, чтобы роботы научились думать и чувствовать, как люди? Можно ли позволить

роботам делать операции, заботиться о детях, охранять наши дома и улицы? А если роботы будут делать за нас всю работу, чем же займемся мы, люди?» [4, с. 277]. Автор размышляет о животных инстинктах и том, как они похожи на компьютерные программы. Ведь благодаря инстинктам животные автоматически бегут от опасности, сбиваются в стаи, строят норы и жилища. Они выполняют определенные действия в определенное время. Как ни странно, у роботов и животных много общего. «Дикий робот» рассчитан на младший школьный возраст и позволяет ребенку задуматься над определением таких вечных, но сложных категорий, как материнство (пример Роз и ее приемного сына Краснокловика), человечество (проблема создания роботов для замены людей в труде), разрушительное воздействие на природную экосистему (роботы, прибывшие на остров для деактивации Роз, убили множество животных), индивидуальность и важность доброты (доброта и забота Роз о животных во времена холодов), доверие (Роз позволяет Другому метафорически убить и воскресить ее).

Книга предоставляет возможность родителям поговорить с ребенком и на другие темы, такие как выживание, его физическая и эмоциональная составляющие, каким образом Роз это делала и что ей потребовалось для этого. Роман Брауна – удачная возможность на далеком от непосредственного мира ребенка обсудить насилие, тревогу, жалость по отношению к животным, смерть, ее необратимость, потерю. Сравнить эти эмоции по отношению к технике, ведь читателю ее тоже становится жалко, они усиливаются по мере развития дружбы и любви между животными и Роз. Наконец, автор предполагает обогащение знаний ребенка о природе, намеренно примешивая к художественной выдумке реальные факты из жизни животных.

Возраст целевой аудитории определяет и поэтику романа. Несмотря на доминирование в эколитературе ненадежного рассказчика [1], «Дикий робот» – это роман с нулевой фокализацией – классическое повествование, характеризующееся тем, что рассказчик знает все о своих героях, видит полную картину, может переноситься в разные места, время, события. Так, благодаря всеведущему автору, получается, что читатель знает о происходящем больше, чем персонаж, что помогает маленькому читателю ориентироваться в происходящем и получать смысловые подсказки от автора. Питер Браун не только написал роман, но и нарисовал иллюстрации к нему. Иллюстрации оказались черно-белые, и это сделано неспроста: эти цвета были выбраны для того, чтобы сгладить визуальную разницу между роботом и животными, сделать их похожими [3].

В литературе экологическое сознание проявляет себя не только в различных формах отображения природы или насущных экологических проблем и не ограничивается сферой «окружающей среды», но и в многообразных трактовках соотношения природного и социального и в обществе, и в человеческой натуре.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. Личко, М.Ю. Экологическое сознание в романе Сары Пеннипакер «Пакс» / Мова і літаратура ў XXI стагоддзі: актуальныя аспекты даследавання: матэрыялы V Рэсп. навук.-практ. канф. Маладых навукоўцаў (Мінск, 22 сак. 2019 г.) / Беларус. дзярж. ун-т; рэдкал.: В.У. Зуева (адк. рэд.) [і інш.]. – Мінск: Чатыры чвэрці, 2019. – 170-174.
2. Рагачэўская, М.С. Цывілізацыя і прырода ў творах сучасных англамоўных і беларускіх аўтараў / М.С. Рагачэўская // Вестн. МГЛУ, Серия 1, Филология. – 2013. – No 2. – 103–110 с.
3. Brown, P. PETER BROWN Studio / blog / P. Brown. – <http://www.peterbrownstudio.com/the-wild-robot/>.
4. Brown P. The Wild Robot / P. Brown. – Little, Brown Books for Young Readers, 2016. – 288 p.

ДЕКОДИФИКАЦИЯ КАК ТЕНДЕНЦИЯ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНОЙ КОММУНИКАЦИИ В ЭПОХУ ПОСТМОДЕРНА

DECODIFICATION AS A TENDENCY OF THE DEVELOPMENT OF SOCIAL COMMUNICATION IN THE POSTMODERN ERA

Ю.И. Карпушенко

Y.I. Karpushenko

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

e-mail: k.ju_lia@mail.ru

Эпоха постмодерна дае́т начало новым формам выражения и отношения к реальности, оказывая влияние, в том числе, на коммуникацию социума и непосредственно на язык. Сегодня, говоря о социальной коммуникации, в первую очередь речь идёт о медиакоммуникации, создающей новую культуру в обществе. Одной из особенностей медийной коммуникации в эпоху постмодерна мы выделили её декодификацию. Новый тип мировосприятия и свобода слова ломают все каноны и традиции, инвектива проникает во все сферы жизни общества, порождая антиязык.